

ПЕЧАТЬ ИНТОНАЦИИ

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Лезница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. Работает заместителем главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премий журналов «Подъём» (2004), «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009), «Кольцовский край», «Слово-2017», «Югра» (2021) и др. Член Союза писателей России. С 2016 года – ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостинный Дворъ». Живёт в Воронеже.

*У бездны, у разбитого корыта,
На перекате, где вода не спит,
На черепках, на полюсах*

магнита

Федора-дура встала —

и стоит.

Юрий Кузнецов

Говоря о Юрии Кузнецове как о гениальном отечественном поэте рубежа тысячелетий, стоит более точно обозначить пределы всего русского в художественном пространстве этого автора. Многие вещи узнаются в его стихах преимущественно потому, что ситуативно присутствуют в сюжетах, привязанных к нашему современному бытию или ко временам, впрямую не называемым, но обозначенным достаточно определённо. Это и старина былинная, и Отечественная война, и метафизическая смута последних российских десятилетий. Вместе с тем есть стихотворения,

которые русскими по ряду отчётливых признаков назвать затруднительно. И здесь вступают в действие законы родной лексики и интонации, когда нейтральный или же вполне хронологически и географически точный повествовательный материал властно втягивается поэтом в сферу жизни русского человека. К последней смысловой отсылке можно отнести практически все евангельские сюжеты Кузнецова, русифицированные им на самых разных языковых уровнях. Кроме того — и это одна из главных примет названного оттенка множества вещей поэта — словарь лирического рассказчика властно прикрепляет действие стихотворения к пространству совершенно русскому, какие бы инородные детали ни появлялись в тексте по мере его развития. Достаточно нескольких упоминаний предметов или движений, привязанных к народной среде, — и очередная история, поведанная автором, обретает не только самобытность, но и становится примечательной чертой здешнего пространства и житейского обыкновения, не говоря уже о событиях однозначно почвенных, которые служат своего рода изначальными маяками в сетке коллизий, художественно прокомментированных мастером не только по-новому, но и исключительно по-своему. Последнее уточнение — принципиально важное свойство как произведения, так и его автора.

Творческий путь Юрия Кузнецова с самого первого этапа склонялся к неизведанной тропе в ментальной чаще древней русской жизни. Всё то, что мы видим на реконструкциях старины, скажем, в живописи Виктора Васнецова, в кузнецовских повествованиях и поэтических репликах находило абсолютно адекватное звуковое, предметное и интеллектуальное отражение. И становилось не только параллельным изображению текстом, но и инструментом, который оживлял застывшую картину и сообщал ей возможность явиться зрителю в совершенно новой, поразительной транскрипции. Печать интонации и литературно-философской логики Юрия Кузнецова превращали практически любой его лирический сюжет в некое парадоксальное высказывание — отчётливо русское и однозначно именованное. Уже поэтому границы его поэтического мира, буквально прикреплённые к «русскому пунктиру», оказываются определённо зауженными, тогда как ассоциативные и неявные указатели расширяют это пространство едва ли не до очертаний универсальной Вселенной.

Принимая последнее обстоятельство без возражений, приходится уже по-иному выстраивать картину мира — не столько в историческом, сколько в философском и мистическом контексте. История человечества

становится попутной и небольшой на фоне драматического движения Руси сквозь пласты времени. Таковую соразмерность можно принять только в одном случае: когда значение русского ума, русского государства, русской борьбы за правду и красоту видится главным определителем истинного развития земной цивилизации. Наверное, истоки подобной доминанты можно было бы найти в древней, дохристианской Руси. Но сегодня, подсознательно воспринимая чувственные и интеллектуальные правила далёкого прошлого, наша душа интуитивно соединяет их с евангельским нравственным императивом. Примерно так видел положение русского человека в пространстве и времени Юрий Кузнецов — по крайней мере, к этому склоняют читателей его стихи и поэмы.

Совсем не случайно в сюжетах Кузнецова лирический герой отождествлялся со всем народом. Преуменьшение больших величин до осязательно маленьких и обозримых можно считать инструментальным свойством поэзии мастера, когда великое съезжается до размеров небольшого лирического текста. И одновременно обязательно нужно упомянуть об умении поэта развернуть малую деталь в поражающее воображение метафизическое полотно. Самый яркий пример — стихотворение «Федора».

Штрихи русского чувства и ума по-разному подчеркнуты в

творчестве современных поэтов. Очень часто перед читателем возникает или назывная характеристика предмета и ситуации, или вещественная, координационно-опознавательная, когда деталь показана в контексте быта, — это наиболее привычный в литературном обиходе способ вовлечь читателя в родное бытийное поле. У Кузнецова мы встречаем совсем другое обыкновение, почти исключительно присущее только ему.

Парадоксальность суждения и простота, умозрительность, подчёркивающая скрытый смысл высказывания, и здесь же — конкретика узловых деталей стихотворения... Всё это оснащено узнаваемыми речевыми поворотами, порой намеренно опрощёнными так, чтобы очевидной была повседневность, на фоне которой заводится речь о чём-то главном. Притом «русское главное» отнюдь не подаётся как движение в сторону величия всего народного и всего русского — такая декламация совершенно чужда Кузнецову.

Он видит нечто огромное, глубокое и многоцветное и старается дать ему толкование по частям, когда фрагменты не сливаются в своих границах, а образуют грандиозную мозаику, которая предстаёт целостной, а не дискретной, лишь с некоторого расстояния: между поэтом и действительностью; между надеждой и безысходностью; между современностью и исторической

бездной; между настоящим и будущим; наконец, между русским — и всем иным.

В силу подчёркнутых особенностей поэтического языка и мышления Юрия Кузнецова его стихотворения почти не поддаются переводу на другой язык, даже славянский, не говоря уже о наречиях западноевропейских и азиатских. Наверное, существуют

исключения из этого правила, но они дают картину только предварительную, когда читатель получает самое первое представление о художественном мире Юрия Кузнецова, который предстаёт поэтом странным и, пожалуй, даже сухим. Но это — лишь повод для того, чтобы через фигуру гениального творца обратиться к загадке русского космоса.